

ВИКТОР ДЬЯКОВ

Рождение чувств

ПОВЕСТЬ

Виктор Елисеевич Дьяков

Рождение чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17189896

ISBN 9785447447618

Аннотация

Иван после срочной и контрактной службы сам для себя делает неутешительный вывод, что потратил лучшие годы черт-те на что: муштра, казарма, горячие точки. А у него даже нормальной девчонки никогда не было. С помощью «подставы», организованной его двоюродным братом, Иван знакомится с такой девушкой, но все складывается непросто. Аля, несмотря на внешнюю «домашность», обладает характером и норовом. Чтобы завладеть ее сердцем и попутно разбудить в ней «женщину», Ивану придется немало потрудиться.

Содержание

1	5
2	12
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рождение чувств

Повесть

Виктор Елисеевич Дьяков

© Виктор Елисеевич Дьяков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Так, значит, чем будешь заниматься, Ваня, ты ещё не решил?... Правильно, спешить не надо. Поживи гражданской жизнью, осмотришься. Ну, давай, твоё здоровье. И спасибо, что приехал, не забыл дядьку своего, – с этими словами плотный мужчина лет сорока чокнулся с молодым, рослым, средней комплекции парнем, после чего одним махом выпил стопку.

– Как же не заехать, столько не виделись. Родни-то у нас и так всего-ничего, – племянник тут же последовал примеру дяди, но водку выпил не сразу, а не спеша, с потягом.

– Говоришь, ранение у тебя не серьёзное было, на здоровье не скажется, ведь вроде прихрамываешь? – продолжал расспрашивать дядя, принимаясь за закуску.

– Не скажется, пустяк. Нога, это пройдёт, пуля навывлет, кость цела. Через месяц-полтора совсем разработаю. А осколок, который в бок долбанул, он на излёте достал, поцарапал немного, – молодецки отмахнулся парень, цепляя на вилку квашенную капусту.

– Постой... Так ты, что два раза ранен был? – дядя смотрел вопросительно. – А матери писал, что один.

– Так я ж тебе говорю, первый-то раз пустяк, царапнуло чуть-чуть. Зачем мать понапрасну беспокоить. Меня тогда даже в госпиталь не отправляли. Осколок торчал, его вытащили в полковой санчасти, перевязали и всё, – парень про-

должал энергично работать челюстями.

Дядя налил ещё по рюмке.

– Давай Вань, теперь за то, что живой остался. За это нельзя не выпить.

– Давай, – племянник не придал «возвышенному» тону дяди особого значения и опять тягуче сглотнул водку.

После паузы дядя, видимо, высказал то, что у него исподволь накопилось на душе:

– Знаешь Вань, когда дед твой про войну рассказывал, нам тогда это нормальным казалось, и мне, и матери твоей. Ну, дескать, отец наш за то и воевал, чтобы потом, ни детям, ни внукам не воевать. А вот сейчас сидим, я не воевавший дядя, воевавшего племянника. Неужто, и Сашке моему придётся? То, что с немцами тогда воевали понятно, к войне с американцами столько лет готовились, а воевать-то с чеченцами пришлось. Это, что случайность, ошибка? Скажи ты мне. А то у меня мозги ещё советские, я этих новых реалий постичь никак не могу.

– Не знаю дядь Лёш, может и ошибка, но точно не случайность. Они нас так ненавидят, словами не передать. Все ненавидят, и старики, что при советской власти выросли, и дети, и женщины. За десять лет такая ненависть не могла возникнуть, она столетиями копилась. А вот, почему у нас её раньше никто не разглядел? Это действительно непонятно.

– Думаешь, там это надолго? – дядя смотрел вопросительно. – Может Сашку не отдавать в армию, денегат наскрести

да отмазать, а?

– Не знаю дядь Лёш. Посмотрел я тут на пацанов, что от армии откосить хотят, и прямо злоба берёт. Не советчик я в таких делах, ты уж извини.

– А ты попробуй, поставь себя на моё место, Вань?

Племянник перестал жевать, сумрачно посмотрел на стол, на дядю, подумал и горестно усмехнулся.

– На твоё?... Не отдавай, дядь Лёш. Не дай Бог на Кавказ попадёт. Отмажь, если сможешь.

– И я так мыслю. Ведь как раньше было, когда я ещё служил. Говорили, пойдёшь в армию, там из тебя человека сделают. И ведь делали. А сейчас? Вон трупы, да калеки из армии той тысячами. Вообще-то, не мешало Сашке армейской жизни хлебнуть. Ветер у него в голове, хулиганит, школу пропускает. Кодлу сколотил, дерутся чуть не каждый день, на дискотеке, зимой на катке, девчонок вечерами пугают. Я уж в школу не хожу, мать вот на собраниях от стыда не знает куда деться. К нам домой сколько раз жаловаться на него приходили. Надо бы его в армию, но не в нынешнюю. В моё время стариковщина была. Ох, и шуму поднимали насчёт неё, боролись, искореняли. А ведь не так уж и плоха она была. Ну, первые полгода понятно, «салага» ты, и вкальываешь как негр, и службу тащишь. Вторые полгода уже легче, третьи вообще легко служить. Ну, а последние, стариковские, это ж лафа сплошная, всего делов, альбом дембельский готовить, да морду отъесть. И за два года ты как бы из дерьма

в человека превращаешься. Нее, не так уж плоха та дедовщина была, имелся в ней смысл. Ну, а сейчас-то как? Давай ещё по рюмашке тяпнем... И скажи ты мне, я что-то не пойму, как же это тебя после срочной, ещё на контрактную угодзило? Ведь если бы дембельнулся вовремя, ты и на войну бы эту не попал, пули да осколки не ловил, – дядя залпом выпил.

Племянник тоже выпил не морщась. Водка, казалось, не оказывала на него никакого воздействия.

– Сейчас дядь Лёш, смотря где служить. Сейчас «чёрных» расплодилось как собак нерезаных. Там куда их не берут, ну во всяких там элитных частях, у стратегов-ракетчиков, на атомных подводных лодках, служба такая же, как и раньше, «деды» всем заправляют, молодые пашут. А в частях, что попроще, как у нас, в пехоте и тому подобных, где «чёрных» хотя бы с десятка два есть, то всё, амбец, они царствуют.

– Постой – постой Вань. Так их же сейчас меньше стало. Ни грузин, ни азеров, ни узбеков нету в армии. Отчего же их столько?

– Дядь Лёш, Северный Кавказ он страшней десяти Грузий и двадцати Узбекистанов, а он по-прежнему в России числится, кровь с нас пьёт. Я тебе говорю, полтора-два десятка их в часть попадает и всё – полки терроризируют. Ох, и как же они измываться умеют. И работу грязную ни дагестанец, ни карачаевец никогда делать не станет, кто угодно русский, татарин, чуваш, но не они.

– Так что же вы не могли собраться и морды им начистить? – удивился дядя.

– А как ты думаешь, почему наши урки с ними справиться не могут? Их бандиты и в Москве целые районы контролируют, и в других городах, а на юге, так и вообще целые города под ними. И все эти наши крутые выбить их не могут. Так и в казарме у нас было. Не везде, конечно, но в некоторых ротах было. Дружные они, намного дружнее нас. Они всегда своим на выручку бегут, даже если по жизни и ненавидят друг-друга, кавказец кавказцу всегда в столкновении против русских поможет. А у нас? Все порознь, меня не трогают и ладно. А они сегодня одного скопом подмяли, сломали морально, завтра другого. Вот так. А насчёт контрактной... Да, понимаешь, дядь Лёш, испугался я на дембель-то идти. Не поверишь, привык к казарме, да и получалось у меня там всё, стрелял хорошо, нормативы на отлично выполнял, сержантом стал. Что, думаю, домой приеду, ни денег, ни специальности. А тут как раз перед дембелем нас по контракту служить стали агитировать. Я и согласился. Думал денег поднакоплю, а там уж видно будет. Я ж воевать-то не собирался, да вот по-другому вышло. Но то, что я «чёрных» ещё в срочную узнал, мне потом на Кавказе ох как пригодилось. Но чеченцы, конечно, похлеще и карачаевцев и дагестанцев, звери так звери. Но, представь, на срочной я их боялся, да там все их боялись, даже офицеры... Так вот, когда я в Чечню попал, да с оружием в руках, я уже себя совсем

другим человеком почувствовал, я их совсем не боялся, там не мы их, они нас боялись, перед русским с оружием в руках с них всё их зверство сразу слетало. Один чечен, мы его раненого взяли, немолодой уже мужик, лет, наверное, как тебе. Пока его в «фильтр» везли, разговорился. Мы, говорит, нохчи, самый храбрый народ на Кавказе, никого не боимся, зато нас все боятся. Единственно мы вас русаков боимся, но только когда у вас в руках оружие и у вас приказ стрелять. В открытом бою вас трудно одолеть. А вот в мирное время, мы вас в бараний рог скрутим, потому что мы с вами всегда воюем, а вы с нами только когда у вас приказ есть. Я и вспомнил свою срочную, не чеченцы, карачаевцы с дагестанцами нас в бараний рог, которые перед чеченцами всегда дрожали. Вот такая сейчас правда жизни. Давай, дядь Лёш, ещё выпьем и баста. Не хочется мне больше ни о войне, ни об армии вспоминать. Ничего хорошего там не было. Можно сказать, пять лет из жизни вычеркнул. И мой тебе совет, если сможешь, отмажь Сашку. Хулиганит, говоришь? Даже если пьёт и траву курит – ерунда. Зато живой будет, а дурь с годами пройдёт. Я вот тоже баловался, курил эту самую анашу, за деньги покупал, а сейчас даром давай, не буду. Главное, чтобы не колоться, если на иглу сядешь это всё, кранты. Так Сашке и скажи.

– Так-то оно так, да боюсь, как бы он здесь с друзьями своими срок не схлопотал, – вздохнул дядя и взял свою рюмку.

– Ну, не знаю, что здесь лучше, сам смотри. А я... я сейчас просто пожить хочу, так сказать, наверстать упущенное.

– Как это, что наверстать-то? – не понял дядя.

– Ну, хотя бы с девчонкой нормальной познакомиться. Понимаешь? У меня ведь этого ещё не было. Двадцать пятый год живу, а с девчонкой по хорошему ещё не гулял, даже что это такое не знаю, – чувствовалось, что водка всё же развязала язык парню, и он говорил то, чего обычно стеснялся.

– Да ну, – удивился дядя. – А что в армии никак нельзя было? Я помню, мы на службе к девахам в самоволки бегали.

– Да ну, дядь Лёш. Я ж не про то. Я ж не перепихнуться хочу, а именно познакомиться с нормальной девчонкой, а не с лахудрой, через которую, как мама говорит, и пеший и конный прошли. А перепихиваться я и в армии перепихивался. И на срочной ещё, и когда в госпитале лежал, и в Чечне связистка у меня знакомая была. Но это всё не то. Нормальная баба в армию никогда не пойдёт. Там ведь в основном такие, которые на гражданке мужиков найти не смогли. Там же баб дефицит, вот и идут туда, здесь никому не нужные...

2

Вечером того же дня Иван с Сашей, пятнадцатилетним подростком, смотрели по «видику» импортный боевик с элементами эротики.

– Ух какие сиськи!... Ух клёво! – восхищался мальчишка, в то время как Иван не реагировал на происходящее на экране. – Ты что, Вань, не нравится? Хочешь, другую кассету запущу, там вообще сплошная порнуха.

– Да мне Саш всё равно, чего хочешь, то и смотреть будем, – вяло ответил Иван.

– Неужто, не нравится? Ты ж там, поди, не видел такого, – не мог понять равнодушия брата Саша.

– Ох Саш, я там такого насмотрелся и в жизни, и на кассетах. После тех кассет эти, так фуффло дешёвое.

– Расскажи... Наверное, какая-то особая порнуха, – глаза подростка загорелись.

– Точно, особая. На тех кассетах «духи» снимали, как они русских девчонок и баб, что к ним попали, на силу берут. После той порнухи мне уже как-то всё это, как детское кино. Да и не нравятся мне эти западные порно-звёзды. Вот ты говоришь сиськи клёвые. А ведь сиськи то у них отчего такие здоровые, думаешь свои? Ничего подобного, селикон закачали, вот они и раздулись. К тому же кроме сисек у бабы ещё что-то должно в фигуре быть, а у этих одни сиськи и есть, да

и те искусственные, а того же зада нет. Да и животик быть должен, как у настоящей бабы, а не как у тебя, – с этими словами Иван шутя ткнул сомкнутой ладонью в поджарый живот подростка, отчего тот ойкнул и со смехом перегнулся вперёд.

– Ну, не знаю Вань, у меня других кассет нету. А ведь верно говоришь, бабы в их фильмах все какие-то одинаковые, и действительно задниц красивых мало, а животов так вообще ни у кого. Животы это у наших девок, как короткие кофты оденут, так и тянет их за пупки пощупать, – Саша попытался улучшить момент и выбросил руку вперёд, пытаясь в ответ достать брата, но тот заблокировал удар и, перехватив руку, тут же вывернул её на болевой прём. – Уй-уй... пусти, больно, сдаюсь, – дурашливо молил Саша.

На этот шум из кухни раздался голос сашиной матери:

– Эй, ребята, что вы там?

Иван отпустил брата, и они вновь уселись перед экраном.

– Не знаю, прям, что тебе и показать из своей кинотеки, – сокрушался Саша.

– Да не надо ничего. Выключи ты его совсем. Хотя, подожди. Слушай, у тебя случайно клип группы «Дисотека авария» не записан, ну тот, где они поют песню, а потом девки из подтанцовки выходят в шортах и бюстгальтерах и танцевать начинают, а потом...

– Знаю, знаю, а потом они бюстгальтеры снимают и без них, – подхватил Саша.

– Во-во... Вот это бабы, так бабы, есть на что посмотреть, а ты тут мне этих силиконных подсовываешь.

– Нет Вань, я всего один раз этот клип по телеку видел, записать не успел. Если ещё будут показывать, обязательно запишу.

– Запиши... Слышь Саш, а здесь у вас поблизости нормальные девчонки есть?

– Тебе каких надо-то, таких как в том клипе?

– Ну, не таких, что на людях бюстгалтеры снимают, но внешне что-то в том роде, и где-то в районе двадцати лет, – пояснил Иван.

– Сходи на дискотеку в ДК, посмотри. Там всякие тёлки есть, – Саша остановил видик и стал перематывать кассету.

– Да нет Сашок, ты не понял, я же не про тёлок. Понимаешь... ну, что бы девка была нормальная, хорошая.

– Это как, нормальная, которая в школе отличница была, что ли, дома сидит, да книжки читает?

– Ну, не совсем то... Ну, как тебе... ну, чтобы, и на дискотеку ходила, и посмотреть было на что, и подержаться, но не гуляющая. Понимаешь?

Саша задумался.

– Не знаю. Те, что на дискотеки ходят, они все пацанами разобраны, да и не целки они. Тебе ж целка нужна и симпотная. У нас в классе и то не все целки, а ты хочешь двадцатилетнюю, – Саша покачал головой.

– Да ерунду ты городишь. Не знаешь, так и скажи, – с лёг-

ким раздражением сказал Иван. – Нормальные девчонки всегда были. Из вашего класса может две-три дают, а думают на всех.

– Стой, знаю! – словно сделав вдруг открытие, воскликнул Саша. – Есть такая, точно. Алька, на соседней улице живёт. И как это я сразу о ней не подумал? Во, тёлка... ну в смысле девка, – Саша поднял вверх большой палец.

– А сколько ей лет?

– Она наш финансовый колледж в этом году закончила. Ну, наверное, лет восемнадцать.

– А показать можешь?

– Конечно. Прямо сегодня. Она на дискотеку всегда мимо нашего дома ходит. Или, хочешь, на дискотеку сходим, там я её тебе покажу.

– Да мне с моей ногой как-то на дискотеку... – замялся Иван. – Лучше покажи, когда она мимо дома пойдёт. А я её или из окна, или из вашего палисадника посмотрю.

– Ладно. Она всегда с подружкой ходит, с Риткой. Ритка тоже целка, только некрасивая, потому из взрослых пацанов с ней никто не ходит. А Алька... ну сам увидишь. Только к ней так просто, с кондачка не подъедешь. Тут много пацанов с ней пытались, она всех отшивала...

Ко времени, когда девушки должны были следовать на дискотеку, Иван занял «позицию» меж яблонь, росших перед дядиным домом. При этом его самого скрывала

листва, а улица просматривалась отлично. День, вернее уже вечер, выдался ясным, безветренным, на тихой улице частного сектора маленького провинциального городка никакого транспортного движения и минимум народа.

– Вот они идут... смотри, – Саша указал на появившиеся из переулка две девичьи фигуры. Когда подошли ближе, зашептал уже на ухо. – Вон та, что с косой и в джинсах, это и есть Алька...

Теперь уже и Иван хорошо различал девушек. Обе примерно одного роста, выше среднего, но одна чрезмерно, по мальчишески худая и угловатая. Эту худобу она пыталась скрыть свободного покроя неприлегающим платьем. Вторая... На неё действительно нельзя было не обратить внимания. Нет, она не смотрелась стандартной красавицей, во всяком случае, если считать за стандарт 90—60—90. Разве что первая цифра, характеризующая объём груди у неё, возможно, соответствовала, две другие были хоть и с не очень большим, но явным перебором. Тем не менее, в отличие от подруги, она ничего не пыталась скрыть с помощью одежды, напротив. Короткая кофточка-топ и джинсы красноречиво подчёркивали все «изъяны» её фигуры. Девушки подошли уже совсем близко и о чём-то довольно эмоционально спорили. Иван отчётливо увидел всё: светлорусые волосы, заплетённые в не очень длинную, но толстую косу, что делало Алю отдалённо похожей на теннисистку Анну Курникову. Впрочем, атлетичности Курниковой у неё, конечно, не было, на-

против какая-то особая мягкость и в лице, и в фигуре, взгляд вроде стеснительный, но в то же время лукавый, с хитрецей. По всему, она чем-то подначила подружку, ибо та явно злилась. Когда Иван смотрел на Алю спереди, он как бы подсознательно отметил небольшие, но чётко проступавшие через кофточку выступы груди и обнажённый кругленький животик. Одетая в глухое платье подруга, видимо, не могла себе позволить вот так выставить эти прелести на всеобщее обозрение, а вот Аля... Иван неосознанно засмотрелся, прежде всего на её пупок, пока девушки не поравнялись с местом его «дислокации»...

Если бы Иван имел опыт общения с так называемыми нормальными, домашними девушками, может всё, что он сейчас видел, и не произвело на него такого впечатления. Но пять лет казармы, муштры, стрельбы, крови, грязи, усталости, хронического недосыпа и те особи женского рода, что встречались ему там... Кто бы они не были, женщины-военнослужащие, или вольнонаёмные, как правило, разбитные, прошедшие «огни и воды», или русские женщины в Чечне, запуганные, многократно униженные морально и физически, или чеченки – страшные внешне, ненавидящие всех русских и всё русское. Всех этих женщин незримо объединяло одно – в них во всех отсутствовало изначально, или было уничтожено самое важное женское качество – женственность. И вот Иван сейчас видел проходящую совсем рядом девушку, в которой это качество, во всяком случае во внеш-

ности, явно превалировало – так ему показалось.

Девушки тем временем миновали сад, и Иван смотрел уже им вслед, вернее ей. Сзади глаз тоже притягивал промежуток между кофточкой и джинсами, полоска загорелого пухлого тела в которое снизу врезались джинсы. Его взгляд сам собой скользнул ниже. О, этот «вид сзади», нежная золотистая талия, от которой круто расширялись облитые джинсами ещё не женские, но очень хорошо «проявленные» бёдра, и опять сужались, переходя в стройные ноги. Иван не мог оторвать взгляда, пока девушки не удалились на приличное расстояние.

– Ну, как тебе она? – брат всё это время насмешливо следил за Иваном.

– Слушай, а она кто... ну, кто её отец, мать? – словно вышел из забытья Иван.

– Её мать в Управе работает, а отца нет.

– Как нет, вообще? – удивился Иван. Девушка в его сознании никак не ассоциировалась с сиротой – и одета хорошо по моде, и часы на руке золотом блестят, и серёжки в ушах.

– Ее отец тут был начальником милиции, майором. Его убили шесть лет назад, «чёрные». Они ему вроде взятку предлагали огромную за что-то, а он не взял и кого-то из них избил сильно. Ну, а они его выследили, когда вечером один шёл.

– Нашли, кто убил?

– Не... Но зато после отсюда всех «чёрных» как ветром

сдуло и из города, и из района. Менты им такой террор организовали.

– Ишь ты, выходит всё-таки не зря её отец погиб. Слушай Саш, ты помоги мне с этой Алей познакомиться, – в голосе Ивана послышались явные просительные нотки.

– Как же я тебе помогу, если я её почти не знаю, – удивился Саша. – Она же старше меня, и я никогда не водился с ней, да и живём не близко. Иди на дискотеку, там и познакомишься. Она сейчас ни с кем не ходит, я точно знаю.

– То, что ни с кем это хорошо. Но мне на дискотеку... Я ж говорю, танцор из меня и так никакой, а тут ещё и нога до конца не разработалась. Когда хожу я ещё могу хромоту скрыть, а там, боюсь, не получится. Да и не по возрасту мне по дискотекам-то бегать. Это кому до двадцати, а мне то уж... Слушай, у меня план есть. Давай так сделаем...

3

Аля вышла из дома с некоторым опозданием – матери не понравилось, как она оделась на дискотеку. Потому Але пришлось отстаивать своё право на джинсы. Нет, мать ничего против них не имела, более того, сама иной раз вспоминала как в девичестве, в советскую эпоху тотального дефицита ездила в Москву, чтобы отстояв полдня в очереди, добыть себе эти ужасно неудобные, но в то же время всегда модные ковбойские штаны. Просто мать считала, что джинсы дочери не совсем к лицу, что они больше идут худощавым девушкам, а Алю они уж очень рельефно облегают. Вообще к современной моде мать относилась крайне критически, особенно стремление не только девчонок, но и многих женщин среднего возраста ходить с голыми пупками. Но здесь она всё же дочери уступила считая, что татуировки, пирсинг, сигареты, спиртное и наркотики куда большее зло. Слава Богу, дочь к этим «новшествам» моды пока вроде бы не склонна. Таким образом, слегка, как обычно, поругавшись с матерью, Аля побежала к Рите, и выслушала уже от неё вполне заслуженный упрёк за опоздание, после чего подруги отправились на дискотеку.

Увы, дискотека получилась скучной. Аля не любила «Та-тушек», а в основном почему-то крутили именно их. Правда она с удовольствием «подёргалась» под песню Кайле Мино-

уг, но то был лишь эпизод. Кроме «Татушек» как нарочно заводили этих недоделанных «фабрикантов», «зверей» и тому подобных Ром Жуковых. На медленные танцы Аля почти всем парням отказывала – подходила в основном какая-то мелюзга. Рита это одобрила – её как обычно приглашали крайне редко и больше одного танца не танцевали.

– Сегодня здесь совсем делать нечего. Пойдём, наверное, домой, – предложила Рита, где-то часов в девять, хотя до конца оставался ещё целый час.

– Да, пожалуй, – согласилась Аля, всё же надеясь поизгибаться в танце, под то, что ей нравилось, от чего она «балдела».

Однако из усилительных колонок послышались «Иванушки» с их бородатым «Тополиным пухом». Нет, этого Аля уже выносить не могла – ни «Дискотеки Аварии», ни «Муммий Тролля». А она так хотела потанцевать, например, под «О, ёооо, шире вселенной горе моё». В джинсах и кофточке-топ она бы смотрелась под эту «аварийную» песню, может быть даже не хуже тех девчонок, из подтанцовки «Дискотеки аварии», когда те «прикололись» в Юрмале, начав снимать с себя бюстгалтеры. Аля, конечно, ничего снимать с себя не собиралась, но ей хотелось танцевать так же, как те девчонки. Ей казалась, что она очень похожа на одну из танцовщиц, блондинку лихо выделяющую замысловатые движения обтянутыми короткими шортами бёдрами, а потом и обнажённой грудью. Только вот грудь у неё без бюстгалтера

была, пожалуй, побольше чем у Али. Ну, так ведь та танцовщица наверняка старше... Увы, любимых песен Аля так и не дождалась, хоть и «тянула» почти до самого конца дискотеки, несмотря на нытьё Риты...

Они шли по не мощённым улицам частного сектора, кое-где освещаемые редкими фонарями. Из-за заборов то там, то здесь слышался собачий брёх. В такую позднюю пору прохожие встречались редко, да в большинстве окон уже и свет погас. Идти было немного жутковато, но девушки по четыре раза в неделю вот так же в полутьме добирались до дома. По городу ходили упорные слухи, что какая-то шайка малолетней шпаны специально подстерегает поздно возвращающихся домой девчонок. Правда, ничего особенного с ними не делали, разве, что пугали, да «зажимали», но Аля с Ритой пока, что счастливо избегали таких встреч.

Подружки благополучно миновали улицу Кирова, пересекли Маяковского. До дома Риты оставалось не так уж много, метров двести, когда на длинном неосвещённом «перегоне», образованном из-за не функционирования в данном месте уличного фонаря... Так вот, в темноте вдруг кто-то вполголоса, но внятно произнёс:

– Вот они... идут.

Девушки вздрогнули и непроизвольно замедлили свой быстрый шаг. Тут же две невысокие фигуры преградили им путь.

– А ну, красавицы, притормози малёхо, поговорить надо.

Девушки дёрнулись, было, назад, но и с «тыла» на них на-
двигались две окутанные мраком фигуры.

– Куда? – один из «задних» дурашливо растопырил руки,
словно пытаясь поймать девушек.

Аля растерялась. Что делать? Кричать? Но не могла себя
заставить пошевелить даже языком. Рита, похоже, чувство-
вала то же, так же застыла в ступоре, лишь мотая головой
то вперёд, то назад. Вечерняя прохлада, только что прият-
но холодившая лицо и обнажённую талию, вдруг перестала
ощущаться – Але стало жарко. Остановившие их парни под-
ходили всё ближе, и спереди, и сзади. Девушки вынужденно
повернулись боком и к тем, и другим.

– Ну что, наплясались, а с нами потанцевать не хотите? –
зловеще произнёс один, в низко надвинутой на глаза кепке.

– Вот что, ребята, сейчас же дайте нам пройти, – стараясь
сдерживать дрожь в голосе, проговорила Аля.

– Мы... мы... у меня отец... мы тут живём... только по-
пробуйте тронуть! – срывающимся голосом чуть не заголо-
сила Рита.

– Закрой хайло плоскодонка. Тебя и трогать-то никто
не собирает, вали, никто не держит, – с этими словами тот,
что в кепке сделал движение рукой, словно собирался ото-
двинуть Риту в сторону, но та сама резво отскочила. – А вот
с этой ципочкой пухленькой мы потанцуем сейчас.

Все четверо полуокружили Алю и стали наступать, а она
пятилась в сторону забора ближайшего нежилого дома. Ак-

тивность проявлял только тот, что в кепке, остальные чуть приотстали и по всему выполняли лишь вспомогательные функции.

– Ишь ты, какая хорошенькая, – продолжал говорить «активный», – если спереди смотреть – первый сорт, – голос был наглым, насмешливым. – А сзади у тебя как, тоже порядок?

– И сзади всё о кей, – подал голос один из тех, кто подходил с «тыла».

– А у неё ещё и коса... дай потрогать, – «активный» протянул руку, будто бы намереваясь ухватить Алю за перекинутую вперёд косу.

– Не смей, только тронь! – испуганно отреагировала Аля, делая ещё один шаг назад.

– Да не бойсь ты, чего ломаешься, мы ж ничего не сделаем, потрогаем немного и отпустим.

Голос показался немного неестественным, скорее всего голос подростка, или даже мальчишки, переживающего мутацию, более того, голос был отдалённо знакомым. Наверняка, при свете дня Аля узнала бы его обладателя, ведь он, скорее всего, тоже жил неподалёку в частном секторе. Но сейчас сердце Али так колотилось, что она не могла спокойно анализировать происходящее, не то, что узнать кого-то из парней по голосу. Она и сама понимала, что её только зажмут, излапают и ничего более. Но терпеть это, тем более от явных малолеток, неприятно и унижительно, да ещё на глазах у Риты, которую почему-то эти хулиганы намеренно игнориро-

вали. Дура, стоит и смотрит, хоть бы побежала куда, позвала на помощь. Тем временем тот, что в кепке, похоже, решил перейти к конкретным действиям:

– А животик хорошенький... Ну-ка, как он на ощупь, мяконецкий? – с этими словами «активный», видимо главарь, вновь протянул руку, явно собираясь теперь пощупать девушку за обнажённый живот.

Аля буквально отскочила и упёрлась спиной в забор – дальше отступать некуда, мальчишки подошли почти вплотную, они дышали на неё, от кого-то из них противно пахло чесноком. Её била дрожь, и она по-прежнему не могла заставить себя кричать, предвосхищая, как цепкие ладони мальчишек будут шарить по её телу, проникать под одежду...

– Эй, пацаны! А ну брось безобразничать! Валите отсюда, а то накостыляю! – откуда ни возьмись, из темноты возник рослый парень с увесистой палкой в руке.

Наступавшие на Алю, моментально отпрянули и несколько секунд вглядывались в объявившегося противника.

– Накостылял один такой, потом год в больнице валялся, – ответил главарь, ничуть не испугавшись. – Ладно братва, сваливаем, а то шума много будет. А с тобой ципка мы ещё потанцуем обнявшись, – смутно очерченное под кепкой лицо вроде бы подмигнуло Але, после чего все четверо растворились в темноте.

– Девушки, с вами всё в порядке? Они вам ничего?... – парень спрашивал с тревогой и участием в голосе.

Аля так перенервничала, что не смогла ничего сказать в ответ. Зато Рита, фактически безучастно наблюдавшая, как её подругу хулиганистые пацаны прижимали к забору... Так вот, она быстро пришла в себя.

– Ой, спасибо вам. Это хулиганье местное, я их знаю. Надо завтра же заявить в милицию. Аля скажи матери, пусть заявит. А я... я выясню, где эта шпана живёт. Одного я точно узнала. Он, кажется, на Горького из сорок пятого дома.

Аля, наконец, оправилась, отлепилась от забора и сделала несколько шагов на негнущихся ногах.

– Спа... спасибо вам, – и с её уст донеслись слабые слова благодарности.

– Да не за что. Вы не пострадали? – уже конкретно Алю спросил спаситель, и, увидев её отрицательный кивок, вновь спросил, – Вы далеко живёте? Давайте я вас провожу, а то не ровён час опять привяжутся. Вон, какая темень, ночь безлунная.

– Да, конечно, спасибо вам большое, – проговорила Аля, уже несколько успокоившись, и всё больше беспокоясь не о случившемся, а о том, не испачкалась ли она, когда прижималась к забору.

– Алька, завтра же иди с матерью в милицию, а я выясню, как зовут этого бандита из сорок пятого дома, а через него и остальных найдут. Им в колонии место, а не...

– Ладно Рит, завтра видно будет, а сейчас давай пока до домов без новых приключений дойдём, – довольно резко

перебила подругу Аля, явно намекая на то, как повела себя Рита в ситуации, когда её едва не «зажали».

– Так они вам ничего?... – вновь осведомился парень, когда они вышли на относительно освещённую часть улицы.

– Да нет... не успели. Вы вовремя появились, – вымучила подобие улыбки Аля.

– Ну, и слава Богу. А я тут к родственникам приехал, к знакомым в гости ходил. Назад иду, гляжу, эти хмыри вас окружили. Ну, я вот штaketину из забора вырвал, – парень показал своё оружие, с которым не спешил расставаться.

– А вы смелый. Один против четверых не испугались, – Рита с интересом присматривалась к парню.

– Да ерунда, подумаешь четыре пацана недомерка, как-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.